

Коллектив авторов

**Евреи в Варшаве во время
последнего польского мятежа**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К60

К60 **Коллектив авторов**
Евреи в Варшаве во время последнего польского мятежа / Коллектив авторов –
М.: Книга по Требованию, 2014. – 78 с.

ISBN 978-5-518-10152-4

ISBN 978-5-518-10152-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Какъ можно скорѣе отвори дверь въ стѣнѣ, чтобъ спрятать эти бумаги, быстро проговорилъ онъ, забывъ даже поздороваться съ миленькой хозяйкой.

Дѣвушка поспѣшно удалилась въ другую комнату, крѣпко ударила по стѣнѣ, гдѣ человѣческое изображеніе тщательно скрывало эту роковую дверь: предъ глазами нашего юноши появилось отверстіе, и онъ швырнулъ сюда бумаги. Всягдъ за тѣмъ дѣвушка вернулась и усѣлась на диванѣ, а юноша занялъ мѣсто по правой ея сторонѣ; въ лицѣ его весьма краснорѣчиво сказывалось выраженіе, что его радость и блаженство не знаютъ границъ.

— Расскажи, милый мой Бардъ, о свѣжихъ твоихъ подвигахъ и о новостяхъ, которыя ты успѣлъ разузнать, потому что я смерть хочу услышать ихъ, сказала дѣвушка.

— Къ твоимъ услугамъ, милая моя, отозвался юноша. — Вчера мы на обыкновенный манеръ устроили погребальную процессію; всендзы молились, народъ за ними, даже изъ городскихъ начальниковъ пригнули къ нашему шествію и провожали насъ до кладбища; тамъ, какъ водится, мы опустили гробъ въ могилу, потомъ, послѣ похоронъ, каждый ушелъ себѣ во свояси. Я одинъ остался на кладбищѣ и спрятался подъ оградой ждать урочнаго часа.

— Ты одинъ?

— Одинъ одиношенекъ, кромѣ привратника, который отпирался караулить, чтобы сверхъ чайнія, не приключилась со мною бѣда. Минулъ день, наступила ночь, да такая облачная, что просто зги не видать; я себѣ знай показываю между могилами, перекочевываю отъ одной плиты къ другой, которыя, право, въ ночную темь сдались мнѣ словно живые люди; прислушиваюсь къ чирканью птицъ, лепету ластевъ, не идутъ ли мои сообщники, да не тутъ-то было; прошла полночь, а ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Дай, думаю, вернусь домой: вѣрно, мои сообщники ужъ пошли на по-

пятый, раздумали поспешить мнѣ; какъ вдругъ, ухо мое уловило стукъ человѣческихъ шаговъ; я свиснулъ, въ знакъ, что нахожусь на своемъ мѣстѣ. Тутъ три человѣка тишкомъ подошли, раскопали могилу, вынули гробъ и разбили его въ дребезги, находившіяся тамъ деньги и бумаги передали мнѣ, а сами помчались на своихъ коней и поминай, какъ звали.

— А что новаго въ царствѣ?

— Вѣдь знаешь, милая, что время теперь не для переживанія изъ пустаго въ порожнее; оно нашему брату очень дорого и потому нашъ братъ, дѣлающій дѣло, не пускается въ длинныя разглагольствованія. Однимъ словомъ, мнѣ сказали, что огонь мятежа обнялъ города и веси и нежданно-негаданно разгорится въ сильное, неугасимое пламя. Значитъ, милая, счастливъ нашъ Богъ, все у насъ есть—и сила, и деньги, никто ужъ теперь, не дерзнетъ сопротивляться намъ.

— Никто, никто, мой милый; баронъ Славдскій и графъ Бѣсовскій, которые сейчасъ понавѣдались о твоёмъ возвращеніи, сказали мнѣ, что наши дѣла текутъ, какъ по маслу; предпріятія нашего «ржонда неродового» увѣнчаются успѣхомъ, число людей въ лѣсахъ каждый божій день увеличивается, молодежь живо отдѣливается на призывный голосъ: «бунтъ!» Цѣлыя арсеналы ружей и другихъ боевыхъ снарядовъ приготовлены въ разныхъ пещерахъ, въ каждомъ городѣ и селѣ назначены мѣста у паповъ для разсылки писемъ. Войсковые начальники, которые должны вербовать людей, служатъ намъ службу вѣрой и правдой; тѣ, которые доставляютъ намъ свѣдѣнія, исполняютъ свою обязанность добросовѣстно.

Мало того, наготовѣ даже лица, которыя охотно займутъ эти мѣста, когда ихъ соотчичамъ прійдется не въ мочь... Словомъ, сѣти раскинуты повсемѣстно и скоро москали упадутъ въ простертыя нами для нихъ пути. Не такъ ли,

Карль? радостно воскликнула дѣвушка, обвивая его своими руками.

— Твое лице, милая Аурелія, пышетъ-таки браннымъ задоромъ, но скажи мнѣ, на-милость, безъ обиняковъ не пугаетъ ли тебя мысль, что можетъ быть, всѣ наши воздушные замки, сооруженные нашимъ вѣбалошнымъ воображеніемъ, рухнуть въ пухъ и мы заживо будемъ похоронены подъ ихъ развалинами?

— Нѣтъ, нѣтъ воіи Воіе отъ такихъ грѣховныхъ помысловъ: они ни къ чему путному не ведутъ, а только приносятъ намъ вредъ, ослабляютъ нашъ духъ и вселяютъ намъ робость. Неужели не знаешь, что намъ нѣтъ другого пути, кромѣ «впередъ» да «впередъ»; мосты за нами сняты, а коли вернемся обратно, намъ ужъ не сдобровать: потонемъ въ безднѣ. Поэтому я все твержу: намъ только останется, либо силою, просто наступая на горло, отнять у москалей нашу дорогую ойчизну, либо согнуть доединого,— эти послѣднія слова она проговорила въ сильномъ волненіи и глаза ея сверкнули геройскимъ огнемъ.

— Ей-ей, милая, ума не приложу, откуда взялся такой геройскій духъ у женщины, воспитанной въ роскоши и нѣгѣ? Повѣришь, что непогихъ изъ насъ, мужчинъ, природа надѣлила такою самоувѣренностью. Положимъ, примѣрно, я, хотя люблю тебя всей душой, готовъ весело пойти въ огонь и воду, если тебѣ это заблагоразсудится: мнѣ, моя милая, все ни почемъ ради тебя, однако все таки не могу увѣрить себя, что намъ улыбается удача. Много, много на нашемъ пути шероховатостей и помѣхъ, о которыя мы можемъ запнуться. Или даже, взобравшись уже на самую верхушку крутизны, того и гляди покатишься кубаремъ внизъ. Но это все еще куда на шло, меня только мучитъ мысль, отчего я втянулъ въ бѣду почтеннаго моего отца, который ни за что, ни про что, погибнетъ вмѣстѣ съ нами.

— Я мой милый, хоть убей, не понимаю, что ты хочешь сказать. Говори потолковѣе, не такъ загадочно, съ коварной усмѣшкой замѣтила Аурелія.

— Развѣ не знаешь, что я спряталъ въ модельнѣ моего отца типографскій станокъ, чтобы мы могли тамъ спокойно печатать наши бумаги?

Аурелія залилась звонкимъ смѣхомъ, — ха, ха, ха... дѣйствительно, какъ ты не посоветился это сдѣлать! слыхано ли, видано ли, чтобы были принесены подобныя запрещенныя вещи въ домъ смирнаго еврея, всецѣло преданнаго русскому правительству и еще руками собственнаго сына, который, влюбившись въ христіанскую дѣвушку, всякими низостями снискиваетъ ея взаимность!

— Да, тебѣ это смѣшно, а мнѣ напротивъ больно жутко, замѣтилъ Карлъ почти сквозь слезы, — ей, ей, денно и ночью голова моя занята этой страшной мыслью. Былъ бы я одинъ, безъ отца, и бы весь жертвовалъ собою нашему польскому дѣлу безирекословно, какъ я теперь всей душой отдался тебѣ; но чтожъ мнѣ дѣлать съ старикомъ отцомъ! Сама посуди, могу ли я быть такимъ жестокимъ тираномъ противъ моего многоуважаемаго отца, уши котораго съ дѣтства, можно сказать, ни отъ кого не слышали худаго слова! Боже мой, боже мой! что я надѣлалъ! сынъ поставилъ западню своему отцу, которая, Боже сохрани, можетъ съ позоромъ и стыдомъ ввергнуть его въ могилу! Охъ, охъ, охъ... нечего стыда тать, я не перенесу этого мерзкаго и гаднаго поступка, онъ уничтожаетъ всякій проблескъ надежды.

— Славную чепуху ты сморозилъ, мой милый. Я тебя увѣряю, что полицейскимъ даже въ голову не придетъ мысль обыскивать модельню твоего отца, находящуюся въ грязномъ, вонючемъ переулкѣ, гдѣ не шагала нога порядочнаго

человѣка; тѣмъ болѣе еще, что она принадлежитъ твоему отцу—человѣку, по твоимъ словамъ, известному повсюду за честнаго и тихаго.

— Ради самаго Бога прошу тебя, оставь попусту утѣшать меня. Я очень хорошо знаю, что полиція вѣрче теперь всякаго аргуса и она въ такое смутное время просто тысячью глазами смотритъ во всѣ стороны. При всемъ томъ, по правдѣ говоря, вѣдь всѣ допослани изъ нашихъ едиповѣрцевъ, которые готовы, пожалуй, за весьма сходную цѣну отца роднаго продать; отъ нихъ никакъ не утаишь. Я тебя увѣряю, что скоро они пронохаютъ всѣ наши тайны и раструбятъ повсюду. Каждый человѣкъ, имѣющій хоть каплю претензіи назвать себя порядочнымъ, безпрестанно долженъ горько упрекать себя за такой поступокъ.— Нѣтъ, моя милая, я охотно беру на себя тяжелый крестъ ради ойчизны, буду кровавить ноги по тернистой стезѣ, но отнюдь не рѣшаюсь быть убійцей моего отца, котораго отъ всей души уважаю и люблю, плачевнымъ головомъ сказалъ Карлъ.

— Что ты пюни распустилъ, какъ ребенокъ; ты теперь сказалъ такую пошлость, которая совершенно не идетъ къ тебѣ; чуръ больше не болтать, а то я разсержусь и разлюблю тебя. Положимъ даже, по твоему, отецъ твой и находится въ большой бѣдѣ и онъ погибнетъ, эка важность! Развѣ можно жертвовать цѣлымъ народомъ изъ-за одного человѣка? По твоему даже выходитъ, что спокойствіе одного дороже спасенія милліоновъ людей! Я не понимаю, вообразить себѣ не могу, какъ и какимъ образомъ можетъ человѣкъ считать себя спокойнымъ и счастливымъ, когда ойчизна его такъ жестоко поработена. Теперь ты не долженъ думать ни о твоёмъ отцѣ, рѣшительно ни о чемъ и только дума, ведущая къ освобожденію нашей дорогой ойчизны должна занимать тебя. Да, много воды утечетъ,

пока мы достигнемъ нашей цѣли и еще больше прольется невинной крови; придется намъ нашими стопами ходить по трупамъ нашихъ сообщниковъ, пока не вытуримъ этихъ москалей изъ нашей польской ойчизны. Но что значать наша слава, наша жизнь и все наше богатство предъ великимъ спасеніемъ, которое принесемъ нашими руками милліонамъ людей, изнывающихъ подъ такимъ москальскимъ гнетомъ?—ничтожна наша жизнь, суета наша слава! Безъ хорошихъ дѣяній память о насъ исчезнетъ, словно воядырь на водѣ. Только это благое дѣло, если исполнимъ, пожнетъ намъ лавры въ настоящемъ и сдѣлаетъ насъ бессмертными въ будущемъ поколѣніи... Карлъ, кажется, давно ужъ пора было стонамъ и слезамъ угнетеннаго и удрученнаго польскаго народа потушить твою пламенную любовь къ отцу?!

— Нѣтъ, я сказала разъ и не переѣню моего слова; хоть, какъ подобаетъ всякому и каждому благомыслящему гражданину, дорожу нашей ойчизной, но моя любовь къ отцу гораздо сильнѣе; повѣрь, еслибы не любовь, которою ты цѣнила меня, я бы ни за какія блага на свѣтѣ не согласилась поставить машину въ молельню отца, чрезъ что онъ можетъ погибнуть, совѣтъ неповинный. Охъ, охъ... только эта любовь теперь заправляетъ мною, я слишкомъ обезсиленъ, чтобы бороться съ нею. Хотя по временамъ мой разумъ пробуждается и живо представляетъ предъ моими глазами всю гибельную будущность, которую готовлю себѣ и я на мгновеніе ужасаюсь, сердце мое млѣетъ и сжмается; но лишь только ты посмотришь на меня твоими глазами, переполненными любезностью, я забываю рѣшительно обо всемъ и опять дѣлаюсь слѣпымъ орудіемъ въ твоихъ рукахъ.—Говоря это, Карлъ заключилъ ее въ свои объятія и она вперла въ него страстнопылающіе глаза свои, которые могли растворить и зажечь почти оледѣвшую кровь ста-

рика, а тѣмъ болѣе горячую и пылкую кровь юпоши.—За тебя, милая моя, продолжалъ Карлъ съ воодушевленіемъ,— за тебя я готовъ на все, рѣшительно на все, даже всю мою жизнь готовъ поставить на карту. Право, еслибъ ты могла плѣнить и околдовать цѣлые народы, точно какъ людей, ты стала бы царицею всего міра; не диво, потому, что я одержимъ такою пламенною любовью къ тебѣ исгаряю нетерпѣніемъ, ожидая той блаженной минуты, когда буду въ правѣ сказать: «ты моя!»

— Умоляю тебя, Карлъ, милый мой; не напоминай преждевременно про любовь.

— Я боюсь, быть можетъ, время это очень далеко.

— Терпѣніе, терпѣніе, Карлъ, покада утихнеть эта сумятица и наша возьметъ,—тогда я вся твоя; но до той поры прошу тебя и словомъ не пикнуть про любовь, даже не думать о ней. Встаети, Карлъ, ступай какъ можно скорѣе къ есендзу Франциску и прикажи ему именемъ «ржонда народоваго» всячески стараться своими проповѣдями расшевелить своихъ спящихъ прихожанъ,—скажи, чтобы онъ проклиналъ тѣхъ, которые хотятъ теперь сидѣть сложа руки, неучаствуя въ «повстаньи», пусть онъ лишитъ всякаго, кто не хочетъ помогать соотчичамъ, идущимъ на борьбу съ москалями, всѣхъ блаженствъ будущей жизни.

— Какъ же я могу приназывать человѣку, котораго я совершенно не знаю?

— Не беспокойся, онъ хорошо знаетъ тебя, ему да же хорошо извѣстны всѣ твои дѣла. Ступай скорѣе, не мѣшай!

— Иду.

— Завтра я слишкомъ занята, приходи ко мнѣ послѣ завтра и поговоримъ по душѣ.

— Ахъ, еслибъ ты знала съ-какою убійственною для -эж

ня медлительностью тянется теперь время; я тебѣ говорю, что минуты для меня, словно день цѣлый, а день—ужь просто цѣлый вѣкъ; но нечего дѣлать, твое повелѣніе я долженъ свято исполнить. Прощай.

— До свиданья.

Когда Карлъ вышелъ и затворилъ за собою дверь, Аурелія поднялась съ кресла и презрительно-саркастически усмѣхнувшись, покачала вслѣдъ за нимъ головой.—Эхъ, ты дурачина, хамова простота, начала она съ омерзѣніемъ, кто это съ дуру увѣрилъ тебя, что я тебя люблю? Въ порывѣ пылаго воображенія ты созерцаешь привлекательную перспективу и уже воображаешь себѣ, что ты будешь моимъ супругомъ, но какъ ты глупъ, какъ ты слѣсивъ,... Никогда, никогда, милый мой. Мыслимо ли, чтобы польская аристократическая дѣвушка, которая теперь всѣми панами и вельможами ворушаетъ, въ рукахъ которой вся судьба нашей ойчины, отдала свою душу, свою судьбу презрѣнному и паршивому отродью жидовъ, въ которымъ съ молокомъ матери она всасывала презрѣніе и ненависть. Да, много значитъ для меня твоя жизнь, которую ты въ состояніи жертвовать, выражая свою любовь ко мнѣ,—ровно ничего! Нѣтъ, мой милый, за такую мизерную цѣну не приобрѣтешь себѣ руки польской аристократической дѣвушки. Ты можешь быть увѣренъ, что еслибъ я не читала и не дорожила совѣтами моего отца, я бы даже и прикинувшись не унизила бы говорить съ тобою, жидомъ, любви; но подожди, когда придетъ конецъ этой кровавой сценѣ, тогда увидишь, какъ ты опростоволосился въ своихъ фантастическихъ расчетахъ. Это и такъ будетъ для тебя чрезвычѣнною наградою за всѣ твои труды и старанія, что позволять тебѣ вырваться изъ твоего жидовскаго гето и жить съ нами, поляками.

Для болѣшей ясности скажемъ, что Аурелія рѣшительно

не чувствовала никакого расположенія, ни любви къ нашему молодому Карлу, который, взаправду, былъ влюбленъ въ нее, какъ говорится, по уши. А если она разыгрывала роль влюбленной, позволяла парху—жиду любезничать съ собой, строить куры, то потому только, что свято хранила іезуитское наставленіе отца, поведѣвающее не трепетать ни предъ какими мерзкими штуками для «высшихъ цѣлей.» Дѣло въ томъ, что отецъ ея, нагадивши порядкомъ въ Россіи, и убоясь несправедливой кары дикихъ москалей, спасъ животь свой бѣгствомъ въ Парижъ. Передъ отъѣздомъ онъ почелъ нужнымъ завѣщать дочери слѣдующее: ты, любимая Аурелія, призвана къ великому дѣлу, не даромъ тебя Господь Богъ выискалъ двумя хорошими качествами: красотою и умомъ. Употреби эти дары Божія на пользу. *Nasza Polska nie zginie!*, прійдетъ пора, она страхнетъ съ себя нечестивое московское ярмо, подыхнетъ свою выю, столь долго преклоненную и попрапную нашими врагами москалями. Но наша слава, наше величіе не воскреснуть, если мы, зажмуривъ глаза, рабски-покорно будемъ взирать на наши невзгоды и бѣдствія. «Разорвемъ наши цѣпи и будемъ свободны,»—вотъ нашъ девизъ. Всякій, дитя мое, въ чьихъ жилахъ течетъ благородная польская кровь, обязанъ всячески стараться вредить врагу, обезсидить его и стереть съ лица земли. Знай же, что ты въ состояніи совершить много благъ для нашей ойчизны: своею красотою ты можешь заполнить себѣ молодежь, своимъ рѣднымъ умомъ и быстрымъ, стремительнымъ поводомъ твоего краснорѣчія ты можешь ихъ увлекать; расцалать ихъ легко—податливыя натуры и направлять противъ нашихъ враговъ. «Разорвемъ наши цѣпи и будемъ свободны»—повторлю тебѣ еще разъ, храни этотъ девизъ пуще всего на свѣтѣ, запечатлѣй его глубоко въ свою душу. Благо нашей дорогой ойчизны должно служить тебѣ путеводною звѣздою, не теряй ея изъ

виду. На нашемъ горизонтѣ теперь мрачно, но этотъ мракъ напускной, онъ напущенъ нашими недругами; мы можемъ разсѣять его, и намъ улыбнется свѣтлое солнышко. Не брезгай ничѣмъ, что только можетъ идти намъ въ прокъ; пасовать передъ грязнымъ и даже самымъ чернымъ поступкомъ не слѣдуетъ: благо нашей ойчины окрасить все, даже самое темное, своимъ великодушнымъ, лучезарнымъ свѣтомъ. Жидами намъ тоже теперь не слѣдуетъ пренебрегать, они могутъ намъ пригодиться и ихъ ты должна ловить на свою удочку. Будемъ ихъ гладить по головѣ, сулить имъ золотыя горы, называть ихъ братьями, покуда Польша не будетъ наша, а потомъ, разумѣется; они съѣдятъ грибъ жидъ намъ, полякамъ, не пара. Заруби себѣ эти слова, помни ихъ и не запятай своего имени трусостью и малодушіемъ.» — Эти слова пали на благодатную почву. Аурелія принадлежала къ тѣмъ задалымъ патріоткамъ, которыя до нельзя бываютъ вышколены во всѣхъ іезуитскихъ художествахъ и мастерствахъ; она ловко раскидывала сѣти, передъ всякимъ встрѣчнымъ — поперечнымъ изворачивалась мелкимъ бѣсомъ, чтобы завлечь въ эти сѣти и христіанъ, и жидовъ; въ ущербъ своей шляхетской заносчивости она являлась съ молодыми жидами и рассыпалась передъ ними, такъ сказать, въ самыхъ радужныхъ обѣщаніяхъ. Не мудрено, что нашъ Карлъ не устоялъ противъ искушенія, не подозрѣвалъ, что онъ жестоко ошибается, а, наоборотъ, заносился весьма далеко въ своихъ заманчивыхъ надеждахъ. Вскорѣ Аурелія забрала въ свои руки бразды правленія почти цѣлымъ революціоннымъ движеніемъ; ея домъ служилъ мѣстомъ сходовъ, тамъ происходили политическія совѣщанія, тамъ читались запрещенныя газеты и преступныя письма.
